

Отдельная реальность

Автор:

Карлос Кастанеда

Отдельная реальность

Карлос Сезар Арана Кастанеда

Реальность индейских магов и их союзников так опасна для привычной системы восприятия, что Карлос Кастанеда, антрополог из Лос-Анджелеса, написав свою первую книгу, пытается сбежать от нее навсегда. Но Сила решает иначе: через два года он вернулся – и начался новый цикл обучения.

«Отдельная реальность», как и первая книга, – описание опыта, которого он еще не понимает.

Читатель, послушай добрый совет: для более точного восприятия учения Толтеков начни знакомство с ним с третьей книги, «Путешествие в Икстлан», и лишь потом вернись к первым двум, ибо было бы слишком грустно, с одной стороны, испугаться неточного описания Пути и отбросить его, с другой – не ознакомиться с теми важнейшими положениями Учения, которые попали именно в первые две книги.

Карлос Кастанеда

Отдельная реальность

Carlos Castaneda

A Separate Reality

© 1971 by Carlos Castaneda

© ООО Издательство «София», 2014

* * *

Введение

Десять лет назад мне посчастливилось познакомиться с индейцем племени яки из Северо-Западной Мексики. Я называл его дон Хуан. В испанском языке обращение «дон» выражает уважение. Мое знакомство с доном Хуаном произошло при обстоятельствах, в общем-то, случайных. Мы с моим приятелем Биллом сидели на автобусной станции пограничного городка в Аризоне. Мы молчали. Была вторая половина дня, и летняя жара казалась просто нестерпимой. Вдруг Билл наклонился и тронул меня за плечо.

– Смотри, вот человек, о котором я тебе говорил, – шепотом произнес он и многозначительно кивнул в сторону входа. Я проследил за его взглядом и увидел старика, только что вошедшего в помещение станции.

– Что ты мне о нем говорил? – спросил я.

– Это тот самый индеец, помнишь? Который разбирается в пейоте.

Я вспомнил. Однажды мы с Биллом целый день проехали на машине в поисках «эксцентричного» мексиканского индейца, который якобы жил где-то неподалеку. Тогда мы так и не нашли его, причем мне казалось, что местные индейцы, которых мы расспрашивали, намеренно указывали нам неверное направление. Билл рассказывал, что этот человек – «герберо», как в Мексике называют собирателей и продавцов лекарственных растений, и что он очень много знает о галлюциногенном кактусе пейоте. Дело в том, что я в то время занимался сбором информации о лекарственных растениях, используемых индейцами Юго-Запада США, а Билл выполнял роль моего гида, так как неплохо знал те места.

Билл поднялся, подошел к старику и поздоровался. Индеец был среднего роста. Его седые короткие волосы слегка прикрывали уши, как бы подчеркивая округлость головы. Множество глубоких резких морщин на очень смуглом лице говорили о преклонном возрасте. Однако тело индейца выглядело сильным и собранным. Некоторое время я наблюдал за ним. Меня изумила легкость его движений – она никак не вязалась с его возрастом.

Билл знаком подозвал меня.

– Он славный парень, однако понять я ничего не могу, – сказал мой приятель, когда я подошел. – Мне кажется, что его испанский сильно исковеркан и полон деревенского сленга.

Старик взглянул на Билла и улыбнулся. А Билл, который знал по-испански всего несколько слов, соорудил какую-то совершенно бредовую фразу. Он с надеждой посмотрел на меня, как бы спрашивая, имеет ли сказанное им хоть какой-то смысл, но я так и не понял, что он хотел сказать. Билл пожал плечами, смущенно улыбнулся и отошел. Старик посмотрел на меня и засмеялся. Я объяснил, что мой приятель иногда забывает, что не говорит по-испански.

– Кажется, он к тому же забыл нас познакомиться, – заметил я и представился.

– А я – Хуан Матус, к вашим услугам, – сказал старик.

Мы обменялись рукопожатиями и некоторое время молчали. Нарушив молчание первым, я стал рассказывать о своей работе. Я сказал, что меня интересует любая информация о растениях, в частности о пейоте, добавив, что уже довольно много знаю в этой области. Честно говоря, я был в этом полным невеждой, особенно в том, что касалось пейота. Но мне казалось, что если я прихвастну, то старик отнесется ко мне с большим уважением. Однако он молчал, терпеливо слушая чушь, которую я нес. Затем он медленно кивнул и посмотрел мне в глаза. Я запнулся на полуслове. Его глаза сияли собственным светом. На мгновение я почувствовал, что он видит меня насквозь. Мне стало не по себе, и я отвел взгляд.

– Лучше заходи как-нибудь ко мне домой, – сказал он наконец. – Возможно, там нам будет проще разговаривать.

Произошла некоторая заминка. Я не знал, что ответить, и чувствовал себя не в своей тарелке. Вскоре вернулся Билл. Он, видимо, почувствовал мое состояние, но не сказал ни слова. Какое-то время все напряженно молчали. Затем старик поднялся – подошел его автобус. Он попрощался и вышел.

– Не слишком хорошо пошло? – спросил Билл.

– Нет.

– А ты спрашивал его насчет растений?

– Спрашивал. Но, похоже, сваял дурака.

– Я же тебя предупреждал, что он очень странный. Местные индейцы его знают, но никогда о нем не говорят. А это что-нибудь да значит.

– И все же он пригласил меня к себе домой.

– Он тебя надул. Конечно, ты можешь приехать к нему домой. А дальше что? Он никогда тебе ничего не скажет. И если ты начнешь его расспрашивать, он высмеет тебя как последнего идиота.

Билл убежденно сказал, что уже сталкивался с подобными людьми, которые поначалу производят впечатление очень знающих. На них не стоит тратить времени, потому что в конце концов оказывается, что ту же информацию можно получить от кого-то другого, кто не строит из себя недоступного. Лично у него, добавил Билл, нет ни времени, ни терпения разбираться в старческих причудах, и старик, скорее всего, просто пускает пыль в глаза, а на деле знает о травах не больше любого другого.

Билл говорил что-то еще, но я не слушал. Мои мысли все еще были заняты старым индейцем. Он знал, что я блефую. Я помнил его глаза. Они действительно сияли.

Я приехал к нему через пару месяцев, но уже не столько как студент-антрополог, интересующийся лекарственными растениями, сколько как человек, охваченный неизъяснимым любопытством. То, как он тогда взглянул на меня на

автостанции, было беспрецедентным явлением в моей жизни, и желание знать, что крылось за этим взглядом, стало для меня чуть ли не навязчивой идеей. И чем больше я думал, тем более необычный смысл все это приобретало.

Мы с доном Хуаном подружились, и в течение года я приезжал к нему множество раз. Вел он себя очень уверенно и обладал превосходным чувством юмора. Но во всем, что он делал, чувствовался какой-то скрытый смысл, неизменно от меня ускользавший. В его присутствии меня охватывало ощущение странного удовольствия, и вместе с тем – не менее странного беспокойства. Он мог не делать ничего особенного, но, даже просто находясь рядом с ним, я неизбежно вовлекался в фундаментальную переоценку всех своих моделей поведения. Вследствие воспитания, я, как и любой другой, был склонен рассматривать человека как существо по сути своей слабое и подверженное ошибкам. В доне Хуане поражало то, что он ни в коей мере не производил такого впечатления. Более того, находясь в его обществе, я не мог не сравнивать его образ жизни со своим. И сравнение это всегда оказывалось отнюдь не в мою пользу. Пожалуй, более всего в тот период наших отношений меня поразило одно его заявление о нашем внутреннем принципиальном отличии. Однажды я ехал к дону Хуану, чувствуя себя глубоко несчастным. Вся моя жизнь тогда складывалась как-то не так, и на меня постоянно давил груз целого ряда внутренних психологических конфликтов и неувязок. Подъезжая к его дому, я чувствовал подавленность и раздражение.

Мы беседовали о моем интересе к знанию, но, как обычно, подходили к вопросу с разных сторон. Я имел в виду академическое знание, основанное на передаче чужого опыта, а он – прямое знание мира.

– Ты что-нибудь знаешь об окружающем тебя мире? – спросил он.

– Я знаю всякого рода вещи...

– Нет, я имею в виду другое. Ты когда-нибудь ощущаешь мир вокруг себя?

– Насколько могу.

– Этого недостаточно. Необходимо чувствовать все, иначе мир теряет смысл.

Я привел классический довод – не обязательно пробовать суп, если хочешь узнать его рецепт, и вовсе уж ни к чему совать пальцы в розетку, чтобы познакомиться с электричеством.

– В твоём исполнении это звучит довольно глупо, – сказал дон Хуан. – Насколько я понимаю, ты намерен цепляться за свои доводы, хотя они ничего тебе не дают. Ты хочешь остаться прежним даже ценой своего благополучия.

– Я не понимаю, о чём ты.

– Я хочу сказать, что в тебе нет целостности. В тебе нет покоя.

Его слова вызвали у меня раздражение. Я почувствовал себя оскорбленным. В конце концов, кто он такой, чтобы судить о моих поступках или о моей личности?

– Ты переполнен проблемами, – сказал он. – Почему?

– Я всего лишь человек, дон Хуан, – сказал я.

Я придавал этой фразе интонацию, с которой её произносил мой отец. Он говорил так в тех случаях, когда хотел сказать, что слаб и беспомощен. Поэтому в его словах, как и в моих сейчас, всегда звучали отчаяние и безысходность.

Дон Хуан посмотрел на меня так же, как тогда на автостанции.

– Ты слишком много думаешь о своей персоне, – сказал он и улыбнулся. – А из-за этого возникает та странная усталость, которая заставляет тебя закрываться от окружающего мира и цепляться за свои аргументы. Поэтому, кроме проблем, у тебя не останется ничего. Я тоже всего лишь человек, но когда я это говорю, то имею в виду совсем не то, что ты.

– Тогда что же?

– Я разделался со своими проблемами. Очень плохо, что жизнь коротка и я не успею прикоснуться ко всему, что мне нравится. Но и это не проблема; это просто сожаление.

В 1961 году, спустя год после нашей первой встречи, дон Хуан сказал мне, что обладает тайными знаниями о лекарственных травах. Он назвал себя «брухо». С испанского это слово переводится как «маг», «знахарь», «целитель». С этого момента наши отношения изменились. Я стал его учеником, и в течение последующих четырех лет он пытался обучать меня тайнам магии. Этот процесс я описал в своей предыдущей книге, «Учения дон Хуана: путь знания индейцев яки».

Говорили мы по-испански. Дон Хуан в совершенстве владел этим языком, что позволило ему очень подробно изложить мне свою систему описания мира. Я назвал эту сложную и четко систематизированную ветвь знания магией, а его самого – магом, потому что именно такими категориями пользовался он сам в неофициальном разговоре. Однако в более серьезных и глубоких беседах он говорил о магии как о «знании» и о маге как о «человеке знания».

В процессе обучения дон Хуан использовал три достаточно известных психотропных растения: пейот (*Lophophora williamsi*), дурман обыкновенный (*Datura innoxia*) и один из видов грибов, принадлежащих к виду *Psilocybe*. Комбинируя эти средства в определенной последовательности, дон Хуан вводил меня, своего ученика, в специфические состояния искаженного восприятия, или измененного сознания. Я назвал их «состояниями необычной реальности». «Реальности» – потому что, согласно описанию мира, на котором была основана практическая система дон Хуана, все, что воспринималось в этих состояниях, было не галлюцинациями, а конкретными, хотя и необычными, аспектами повседневной реальности. Дон Хуан рассматривал события, происходившие в необычной реальности, не как якобы реальные, но как вполне реальные.

Классифицировать растения, которые применялись в процессе обучения как галлюциногены, а вызываемые ими состояния – как необычную реальность, является, конечно, моей собственной инициативой. Дон Хуан говорил об этих растениях как о транспортных средствах, предназначенных для «доставки» человека к некоторым безличным «силам». Состояния, которые возникали вследствие приема растений, дон Хуан интерпретировал как «встречи» с «силами». Такие встречи были необходимы магу для того, чтобы научиться этими «силами» управлять.

Силу, заключенную в пейоте, дон Хуан называл «Мескалито». Мескалито является добровольным учителем и защитником людей. Он учит, как «правильно

жить». Пейот обычно принимается на собраниях магов, называемых «митоты», участники которых собираются специально для того, чтобы получить урок «правильной жизни».

Дурман и грибы дон Хуан считал силами несколько иного рода. Он называл их «союзниками» и утверждал, что ими можно управлять. Фактически, взаимодействие с союзниками было главным источником могущества мага. Из этих двух сил дон Хуан предпочитал грибы. Он говорил, что сила грибов – его персональный союзник, и называл ее «дым» или «дымок».

Процедура подготовки грибов к употреблению была достаточно сложной. Дон Хуан складывал собранные грибы в небольшой кувшин, который особым образом запечатывал и оставлял на год. За это время грибы в кувшине высыхали и рассыпались в пыль. Дон Хуан смешивал ее с порошком из пяти других растений и в итоге получал смесь для курительной трубки. Чтобы стать человеком знания, необходимо было «встретиться с союзником» неоднократно – с ним следовало хорошо «познакомиться». Поэтому курить галлюциногенную смесь требовалось как можно чаще. Грибная пыль в процессе курения не сгорала. Ее нужно было втягивать вместе с дымом от пяти других растений, составлявших смесь, и проглатывать. Мощное воздействие, которое грибы оказывали на восприятие человека, дон Хуан объяснял довольно своеобразно. Он говорил, что «союзник устраняет тело».

Обучение по методу дон Хуана требовало огромных усилий со стороны ученика. Фактически, необходимая степень участия и вовлеченности была столь велика и связана с таким напряжением, что в конце 1965 года мне пришлось отказаться от ученичества. Лишь теперь, по прошествии пяти лет я могу сформулировать причину – к тому моменту учение дон Хуана представляло собой серьезную угрозу моей «картине мира». Я начал терять уверенность, которая свойственна каждому из нас: реальность повседневной жизни перестала казаться мне чем-то незыблемым, само собой разумеющимся и гарантированным.

К моменту ухода я был убежден, что мое решение окончательно: я больше не хотел встречаться с доном Хуаном. Однако в апреле 1968 я получил сигнальный экземпляр своей первой книги и почему-то решил, что должен показать ее дону Хуану. Я приехал к нему, и наша связь «учитель-ученик» загадочным образом возобновилась. Так начался второй цикл моего ученичества, разительно отличавшийся от первого. Мой страх был теперь уже не таким острым, как прежде. Да и дон Хуан вел себя гораздо мягче. Он много смеялся сам и смешил

меня, как бы специально стараясь уменьшить серьезность процесса обучения. Он шутил даже в наиболее критические моменты второго цикла, и это помогло мне пройти через исключительно жесткие ситуации, которые при менее благоприятном исходе вполне могли бы вылиться в серьезные психические расстройства. Такой подход диктовался жизненной необходимостью находиться в легком и спокойном расположении духа, иначе я не смог бы выдержать напор и чужеродность нового знания.

– Ты испугался и удрал потому, что чувствовал себя чертовски важным, – так дон Хуан объяснил мой уход. – Чувство собственной важности делает человека безнадежным: тяжелым, неуклюжим и пустым. Человек знания должен быть легким и текучим.

Во втором цикле дон Хуан сосредоточил основные усилия на том, чтобы научить меня «видеть». В его системе знания существовало семантическое различие между понятиями «видеть» и «смотреть». Тогда как второе обозначало обычный для всех нас способ восприятия, под первым понимался некий сложный процесс, позволявший человеку знания непосредственно воспринимать глубинную сущность явлений.

Чтобы привести свои полевые записи в удобочитаемый вид, я сократил диалоги и убрал все второстепенное. Надеюсь, что это не отразилось на степени соответствия моего изложения истинной сути учения дон Хуана. Моя редакция была направлена на то, чтобы, сохраняя естественность живой беседы и максимально отражая внутреннее психологическое содержание событий, средствами репортажа донести до читателя весь драматизм и напряженность процесса обучения. Каждая глава посвящена одному «уроку» дон Хуана. Как правило, он всегда заканчивал свои уроки на оборванной ноте; таким образом, драматический тон окончания каждой главы – отнюдь не мое литературное изобретение; это было свойственно манере дон Хуана вести обучение, – мнемонический прием, помогавший мне удержать ощущение драматичности и важности уроков.

Однако многое в этой книге останется неясным, если я предварительно не остановлюсь на некоторых важных моментах. Я имею в виду набор ключевых концепций. Их выбор, равно как и расстановка акцентов, определяются моим интересом к социальным наукам. Вполне возможно, что человек с иными целевыми установками в качестве ключевых выделил бы понятия, совершенно отличные от выбранных мною.

Во втором цикле дон Хуан приложил значительные усилия, чтобы убедить меня в невозможности научиться видеть без курения смеси. Поэтому мне приходилось делать это довольно часто.

– Только дым может дать тебе необходимую скорость, чтобы уловить отблеск того текучего мира, – говорил дон Хуан.

С помощью психотропной смеси он вводил меня в определенные состояния необычной реальности. Основной их характеристикой было то, что я мог бы назвать «несоответствием», так как воспринимаемое мной в этих состояниях не поддавалось никакой адекватной интерпретации в рамках нашего привычного описания мира. Другими словами, именно это несоответствие повлекло за собой разрушение целостности моего мировоззрения.

Дон Хуан использовал свойство «несоответствия» состояний необычной реальности для ознакомления меня с новыми «смысловыми блоками» или отдельными элементами той системы знания, которой он меня обучал. Я назвал их так, потому что это были базовые комплексы чувственных данных и их интерпретаций, на основе которых строились более сложные понятийные структуры. В качестве примера смыслового блока можно взять интерпретацию физиологического действия психотропной смеси. Она вызывает онемение и потерю двигательного контроля; в системе дон Хуана это объяснялось как действие дыма, – вернее, содержащейся в нем силы – союзника, – направленное на «устранение тела практикующего».

Смысловые блоки особым образом объединялись в группы, которые я назвал «чувственными интерпретациями». Очевидно, что в магии существует бесконечное количество вариантов чувственных интерпретаций, которым должен обучаться маг. Ему необходимо уметь на основе магических смысловых блоков адекватно интерпретировать все воспринимаемое. В своей повседневной жизни мы также сталкиваемся с бесконечным количеством чувственных интерпретаций, свойственных нашему описанию мира.

Простой пример: понятие «комната», используемое ежедневно и многократно. В силу многолетней практики нам не нужно каждый раз специально интерпретировать структуру, понимаемую под словом «комната». Мы привыкли воспринимать ее как нечто цельное и само собой разумеющееся. Но так или иначе комната остается чувственной интерпретацией, так как, упоминая о ней,

мы каждый раз в каком-то виде осознаем все элементы, которые в сумме дают то, что называется в нашем понимании комнатой. Таким образом, чувственная интерпретация – это процесс, посредством которого практикующий осознает смысловые блоки, необходимые, чтобы выносить суждения, делать выводы и предсказания во всех ситуациях, связанных с его деятельностью.

Под практикующим я понимаю всякого, кто обладает адекватным знанием всех или почти всех смысловых блоков, входящих в его систему чувственной интерпретации. Дон Хуан был практикующим, то есть магом, знающим все шаги своей магической практики.

Как практикующий, он стремился сделать доступной для меня свою систему чувственных интерпретаций. В данном случае это было равносильно введению меня в новую социальную среду с присущими ей новыми способами интерпретации данных. Именно эти способы мне и предстояло освоить.

Я был здесь «чужим», то есть не умел составлять разумные и адекватные интерпретации из магических смысловых блоков.

Чтобы сделать свою систему понятной, дон Хуан как практикующий должен был сначала разрушить во мне определенную уверенность. Речь идет о свойственной подавляющему большинству людей уверенности в том, что наше основанное на «здоровом смысле» описание мира окончательно и однозначно. Используя психотропные растения и точно рассчитанные для меня контакты с чуждой системой, он добился своего – я убедился, что мое описание мира не может быть окончательным, поскольку является лишь одной из множества возможных интерпретаций.

В течение тысячелетий то смутное и неопределенное явление, которое мы называем магией, было для американских индейцев серьезной и достоверной практикой, сравнимой по значению с нашей наукой. Вне всякого сомнения, нам понять ее сложно именно потому, что она основана на чуждых смысловых блоках.

Однажды дон Хуан сказал мне, что человеку знания свойственна предрасположенность. Я попросил объяснить.

– Я предрасположен к видению, – сказал он.

- Что ты имеешь в виду?

- Мне нравится видеть, - пояснил он, - потому что видение позволяет человеку знания знать.

- И что же ты видишь?

- Всё.

- Но я тоже все вижу, а ведь я - не человек знания.

- Нет, ты не видишь.

- Мне кажется, что вижу.

- А я утверждаю, что нет.

- Что заставляет тебя так говорить?

- Ты только смотришь на поверхность вещей.

- То есть ты хочешь сказать, что человек знания видит насквозь все, на что он смотрит?

- Нет. Я не это имел в виду. Я говорю о том, что каждому человеку знания свойственна его собственная предрасположенность. Я - вижу и знаю, другие делают что-нибудь свое.

- Например?

- Возьмем, например, Сакатеку. Он - человек знания, и он предрасположен к танцу. Он танцует и знает.

- Насколько я понял, предрасположенность относится к чему-то, что человек знания делает, чтобы знать?

- Верно.

- Но как танец может помочь Сакатеке знать?

- Можно сказать, что Сакатека танцует со всем, что его окружает. И со всем, что у него есть.

- Он танцует так же, как я? Я хочу сказать - как вообще танцуют?

- Скажем так: он танцует так, как я вижу, а не так, как мог бы танцевать ты.

- Он видит так же, как ты?

- Да, но он еще и танцует.

- И как танцует Сакатека?

- Трудно объяснить... Своего рода танец, особые движения, которые он выполняет, когда хочет знать. Невозможно говорить о танце или о видении, не зная путей и способов действия человека знания. Это все, что я могу сказать тебе сейчас.

- Ты видел его, когда он танцует?

- Да. Но тот, кто просто смотрит на него, когда он это делает, не в состоянии видеть, что это - его способ знать.

Я знал Сакатеку, по крайней мере, мне было известно, кто это. Мы встречались, и однажды я даже покупал ему пиво. Он был очень вежлив и сказал, что я могу остановиться в его доме, если захочу. Я давно уже хотел к нему заехать, но дону Хуану ничего об этом не говорил.

Днем 14 мая 1962 года я подъехал к дому Сакатеки. Найти его было несложно, потому что Сакатека мне все подробно объяснил. Дом стоял на углу и был окружен забором. Я подергал запертые ворота и обошел вокруг, пытаюсь заглянуть внутрь дома. Похоже было, что там никого нет.

- Дон Элиас! - громко крикнул я.

Испуганные куры с диким кудахтаньем разбежались по двору. К забору подошла небольшая собака. Я подумал, что сейчас поднимется лай. Но собачка молча уселась на землю и стала меня разглядывать. Я позвал еще раз, и куры опять всполошились.

На порог вышла пожилая женщина. Я попросил ее позвать дона Элиаса.

- Его нет дома, - сказала она.

- А где его можно найти?

- Он в поле.

- Где именно?

- Не знаю. Зайдите попозже, ближе к вечеру. Он будет дома около пяти.

- А вы - жена дона Элиаса?

- Да, я его жена, - ответила она и улыбнулась.

Я попытался было расспросить ее о Сакатеке, но она извинилась и сказала, что неважно говорит по-испански. Тогда я сел в машину и уехал.

Около шести я вернулся, подъехал к двери, вылез из машины и окликнул Сакатеку. На этот раз из дома вышел он сам. Я включил магнитофон, висевший у меня через плечо. В коричневом кожаном футляре он был похож на кинокамеру. Сакатека, кажется, узнал меня.

- А, это ты, - сказал он, улыбаясь. - Как там Хуан?

- Нормально. А как ваше здоровье, дон Элиас?

Сакатека промолчал. Мне показалось, что он нервничает. Внешне все было как будто в порядке, но я чувствовал, что с ним что-то происходит.

- У тебя поручение от Хуана?

- Нет, я сам приехал.

- Но чего же ради?

В его вопросе сквозило искреннее удивление.

- Ну, просто хотел с вами поговорить... - сказал я, стараясь говорить как можно естественнее. - Дон Хуан рассказывал мне о вас удивительные вещи, я заинтересовался и хотел бы задать несколько вопросов.

Сакатека стоял передо мной. Худое жилистое тело, рубашка и штаны цвета хаки. Глаза полужакрыты. Он выглядел то ли сонным, то ли пьяным. Рот был слегка приоткрыт, нижняя губа отвисла. Я заметил, что он глубоко дышит и едва не похрапывает. Мне пришло в голову, что Сакатека выжил из ума. Однако мысль эта казалась совершенно неуместной, так как выйдя из дома минуту назад, он был не только очень бодр, но и вполне осознавал мое присутствие.

- О чем ты хочешь говорить? - спросил он наконец.

Голос его был усталым, казалось, он с трудом выдавливал из себя слова. Мне стало не по себе, словно усталость эта была заразной и передалась мне.

- Ни о чем особенном. Просто приехал побеседовать с вами по-дружески, вы же меня сами приглашали.

- Да, но это - другое.

- Почему же другое?

- Разве ты не говорил с Хуаном?

- Говорил.

- Тогда чего ты хочешь от меня?

- Я думал... Ну, я хотел задать вам несколько вопросов...

- Задай Хуану. Разве он тебя не учит?

- Нет, он учит, но все равно мне хотелось бы спросить вас о том, чему он меня учит, и узнать еще и ваше мнение. Тогда бы я лучше знал, как мне быть.

- Зачем это тебе? Ты не веришь Хуану?

- Верю.

- Тогда почему не спрашиваешь о том, что тебя интересует, у него?

- Я так и делаю, и он отвечает. Но если бы вы тоже рассказали мне о том, чему он меня учит, может быть, мне было бы понятнее.

- Хуан может рассказать тебе все. И никто, кроме него, сделать этого не может. Неужели ты не понимаешь?

- Понимаю. Но мне хотелось бы поговорить и с такими людьми, как вы. В конце концов, не каждый же день встречаешься с человеком знания.

- Хуан - человек знания.

- Я знаю это.

- Тогда зачем тебе говорить со мной?

- Я же сказал - приехал просто так, по-дружески, что ли...

- Ты приехал не за этим. Сегодня в тебе есть что-то другое.

Я еще раз попытался объяснить, но смог только что-то невнятно пробормотать. Сакатека молчал. Казалось, он внимательно слушает. Глаза его снова были полужакрыты, но я чувствовал, что он пристально на меня смотрит. Он едва заметно кивнул, затем веки его приподнялись, и я увидел глаза. Взгляд их был направлен куда-то вдаль. Он как бы машинально постукивал по земле носком правой ноги позади левой пятки, слегка согнув ноги в коленях и расслабленно опустив руки вдоль туловища. Медленно подняв правую руку, он повернул раскрытую ладонь к земле. Выпрямив пальцы, он вытянул руку в моем направлении. Рука пару раз качнулась, а затем поднялась на уровень моего лица. На мгновение Сакатека застыл в этой позе, а затем что-то произнес. Слова он произносил очень четко, но я ничего не понял. Через секунду Сакатека расслабленно уронил руку вдоль туловища и застыл в странной позе: вес тела он перенес на носок левой ступни, а правую поставил за левой крест-накрест, мягко и ритмично постукивая ее носком по земле.

Меня охватило какое-то странное чувство, своего рода особое беспокойство. Мысли начали как бы распадаться на части. В голову лезла какая-то бессмыслица, обрывки чего-то никак не связанного с происходящим.

Чувствуя, что со мной творится что-то неладное, я попытался вернуть мысли к реальности, но, несмотря на напряженную борьбу, – безуспешно. Ощущение было такое, как если бы какая-то сила не позволяла мне сосредоточиться и мешала связно мыслить.

Сакатека упорно молчал, и я не знал, что делать дальше. Совершенно автоматически я повернулся и ушел.

Позднее я почувствовал, что непременно должен рассказать об этой истории дону Хуану. Он смеялся от души.

– Что это было? Что происходило на самом деле? – спросил я.

– Сакатека танцевал, – ответил дон Хуан. – Он увидел тебя и потом танцевал.

– Что он делал? Я ощущал холод и дрожь.

– Ты ему явно не понравился, и он остановил тебя, бросив в тебя слово.

– Как он мог это сделать? – недоверчиво спросил я.

– Очень просто. Он остановил тебя своей волей.

Объяснение меня не удовлетворило, потому что показалось бессмысленным. Я попытался расспрашивать еще, но он так и не сказал ничего вразумительного.

Очевидно, все случившееся, как и любое другое явление, происходящее в рамках чужой системы чувственной интерпретации, можно объяснить или понять, только используя смысловые блоки этой системы. Поэтому читать эту книгу следует как репортаж, поскольку именно таковой она и является. Я не владел системой, которую описывал, и потому претензия на что-то большее была бы несостоятельной и вводила бы читателя в заблуждение. В этом смысле я старался придерживаться феноменологического метода, относясь к магии сугубо как к явлению, с которым мне довелось столкнуться. Я воспринимал нечто и описывал то, что воспринимал, воздерживаясь от каких бы то ни было суждений.

Часть I. Подготовка к видению

Глава 1

2 апреля 1968

Какое-то мгновение дон Хуан смотрел на меня. Казалось, он совсем не удивился моему появлению, хотя со времени нашей последней встречи прошло уже более двух лет. Он положил руку мне на плечо, улыбнулся и сказал, что я изменился – стал толще и мягче.

Я привез ему экземпляр своей книги. Без предисловий я вынул ее из футляра и вручил ему.

– Это книга о тебе, дон Хуан, – сказал я.

Он пробежал большим пальцем по страницам, как пролистывают игральные карты, вскрывая новую колоду. Ему понравился зеленый цвет переплета и формат книги. Он погладил ее, повертел в руках и вернул мне. Я ощутил прилив гордости.

– Я хочу, чтобы ты оставил ее себе, – сказал я.

Дон Хуан молча засмеялся и покрутил головой.

– Лучше не надо, – сказал он и с широкой улыбкой добавил: – Ты же знаешь, на что в Мексике идет бумага.

Я засмеялся. Его ирония показалась мне забавной.

Мы сидели на скамейке в парке небольшого городка в Центральной Мексике. Я не мог заранее сообщить дону Хуану о своем приезде, но был уверен, что встречу его. Так и случилось.

Когда я приехал сюда, дон Хуан был в горах, но ждать его мне пришлось недолго. Я встретил его на рынке, где он стоял возле прилавка одного из своих приятелей.

Дон Хуан несколько не удивился и как бы между прочим сказал, что я появился как раз вовремя, чтобы отвезти его обратно в Сонору. Мы пошли в парк и сели на скамейку в ожидании его друга – мексиканского индейца-масатека, у которого он гостил.

Мы прождали около трех часов, разговаривая о всяких мелочах. В конце дня, как раз перед приходом его друга, я рассказал о случае, очевидцем которого я был несколько дней назад.

По дороге сюда на окраине одного города у меня сломалась машина, и мне пришлось задержаться на три дня, пока ее ремонтировали. Напротив автомастерской был мотель, но окраины всегда действуют на меня угнетающе, и я снял номер в современном восьмиэтажном отеле в центре.

Посыльный сказал, что в отеле есть ресторан. Спустившись туда, я увидел, что часть столиков вынесена на свежий воздух под красивые кирпичные арки современной архитектуры на углу улицы. Было довольно прохладно, и некоторые столики стояли свободными. Однако я предпочел остаться в душном помещении, так как сквозь раскрытую входную дверь заметил мальчишек – чистильщиков обуви. Они сидели на бордюре перед рестораном, и я был уверен, что стоит мне выйти и занять один из наружных столиков, как они тут же начнут приставать ко мне со своими щетками.

Я сидел у окна и прекрасно видел мальчишек. Подошли двое молодых людей и сели за один из столиков. Мальчишки тут же окружили их, предлагая почистить обувь. Те отказались, и, к моему удивлению, мальчишки не стали настаивать и молча уселись обратно на бордюр. Немного погодя встали и ушли трое одетых в деловые костюмы мужчин. Мальчишки подбежали к их столику и стали жадно доедать объедки. Несколько секунд – и тарелки были чистыми. То же повторилось с объедками на остальных столиках.

Я заметил, что дети были весьма аккуратны. Если они проливали воду, то промокали ее своими фланельками для чистки обуви. Я также отметил тотальность поглощения ими объедков, – они съедали все вчистую, даже кубики льда, оставшиеся в стаканах, ломтики лимона из чая и кожуру от фруктов.

За время, пока я жил в отеле, я обнаружил, что между детьми и хозяином ресторана существует нечто вроде соглашения. Детям было позволено околачиваться у заведения, подрабатывать чисткой обуви посетителей, а также доедать остатки пищи на столиках, но при условии, что они никому не будут мешать, никого не рассердят и ничего не разобьют. Всего их было одиннадцать, в возрасте от пяти до двенадцати лет. Однако самый старший держался немного особняком от остальных. А те, в свою очередь, всячески третировали его и распевали дразнилку про то, что он слишком стар для их компании и что у него в известном месте уже растут волосы.

В течение трех дней я наблюдал, как они, словно стервятники, набрасываются на самые непривлекательные объедки, и в конце концов искренне расстроился. Покидал я город с тяжелым чувством горечи по поводу того, что у этих детей нет никакой надежды – их мир уже изуродован ежедневной борьбой за кусок хлеба.

– Ты их жалеешь? – удивленно воскликнул дон Хуан.

– Разумеется.

– Почему?

– Потому что мне небезразлична судьба моих ближних. Эти мальчики – совсем еще дети, а их мир так уродлив и мелок.

– Постой, постой! С чего это ты взял, что их мир уродлив и мелок? – спросил дон Хуан, передразнивая меня. – Или ты считаешь, что твой – лучше?

Я ответил, что именно так и считаю. Он поинтересовался, на основании чего. Тогда я сказал, что по сравнению с миром этих детей мой – бесконечно разнообразнее и богаче событиями и возможностями для личного удовлетворения и совершенствования. Смех дон Хуана был искренним и дружелюбным. Он сказал, что я неосторожен в суждениях, так как ничего не знаю и не могу знать о богатстве и возможностях мира этих детей.

Я решил, что дон Хуан просто упрямится. Я действительно думал, что он встал на противоположную точку зрения только затем, чтобы меня позлить, и совершенно искренне считал, что у этих детей нет ни малейших шансов на интеллектуальное развитие.

Еще некоторое время я отстаивал свою точку зрения, а затем дон Хуан резко спросил:

– Разве не ты говорил мне как-то, что стать человеком знания – высшее из всех достижений, доступных человеческому существу?

Я действительно говорил это, и повторил вновь, что стать человеком знания – высочайшее интеллектуальное достижение.

– Ты полагаешь, что твой очень богатый мир способен тебе в этом хоть чем-нибудь помочь? – спросил дон Хуан с некоторым сарказмом.

Я не ответил, и тогда он сформулировал тот же вопрос другими словами – прием, которым я всегда пользовался сам, когда думал, что он не понимает.

– Иначе говоря, – продолжал он, – помогут ли тебе твоя свобода и твои возможности стать человеком знания?

– Нет! – вынужден был признать я.

– Тогда с какой стати ты жалеешь этих ребят? – спросил он серьезно. – Любой из них может стать человеком знания. Все известные мне люди знания были такими же детьми и так же поедали объедки и вылизывали тарелки.

Я почувствовал себя неуютно. Моя жалость к этим детям была обусловлена вовсе не тем, что им нечего есть, а тем, что, по моему мнению, они были обречены своим миром на умственную неполноценность. И тут дон Хуан заявляет, что каждому из них доступно то, что я считаю высочайшим из всех возможных человеческих достижений, – любой из них может стать человеком знания. Дон Хуан поддел меня очень точно.

– Видимо, ты прав, – произнес я. – Но как быть с искренним желанием помочь ближним?

– Каким же, интересно, образом можно им помочь?

– Облегчая их ношу. Самое малое, что мы можем сделать для них, – это попытаться их изменить. Разве ты сам занимаешься не этим?

– Ничего подобного. Я понятия не имею, зачем и что можно изменять в моих ближних.

– Как насчет меня, дон Хуан? Разве ты учишь меня не для того, чтобы я смог измениться?

– Нет. Я не пытаюсь изменить тебя. Возможно, что когда-нибудь ты станешь человеком знания, – этого заранее нельзя узнать, – но это никак не изменит тебя. Может быть, однажды ты научишься видеть, и тогда, увидев людей на другом плане, ты поймешь, что в них невозможно ничего изменить.

– Что это за другой план восприятия людей, дон Хуан?

– Люди выглядят иначе, когда их видишь. Дымок поможет тебе увидеть их как световые волокна.

– Световые волокна?

– Да. Похоже на белую паутину. Очень тонкие. Они тянутся от головы к пупку, и человек похож на яйцо из текучих волокон; руки и ноги подобны светящимся протуберанцам, вырывающимся в разные стороны.

– И так выглядит каждый?

– Каждый. Кроме того, любой человек постоянно находится в контакте со всем остальным миром. Правда, связь эта осуществляется не через руки, а с помощью пучка длинных волокон, исходящих из середины живота. Этими волокнами человек соединен со всем миром, благодаря им он сохраняет равновесие, они придают ему устойчивость. Ты сам это когда-нибудь увидишь. Человек – это светящееся яйцо, будь он нищий или король. А что можно изменить в светящемся яйце? Что?

Глава 2

С этого приезда к дону Хуану для меня начался новый цикл обучения. Без труда вернувшись к своему прежнему ощущению удовольствия от его чувства юмора и драматизма, я оценил его терпеливость в отношении меня и понял, что непременно должен приезжать почаще. Не видеть дона Хуана было поистине огромной потерей для меня; кроме того, я хотел поговорить с ним об одной вещи, которая представляла для меня определенный интерес.

Закончив книгу о его учении, я стал просматривать те полевые записи, которые в нее не вошли. Их было немало, так как раньше меня интересовали в основном состояния необычной реальности. Перебирая записи, я пришел к выводу, что маг, мастерски владеющий своей практикой, за счет одних только «манипуляций социальными ключами» способен сформировать у своего ученика в высшей степени необычный и специализированный диапазон восприятия. В основе многих рассуждений относительно природы этих манипуляций лежало

предположение о том, что для создания требуемого диапазона восприятия необходим лидер.

В качестве примера я рассмотрел пейотное собрание магов. Я был согласен с тем, что в ходе этого собрания маги приходят к некоторому общему для всех заключению о природе реальности, не прибегая при этом к явному обмену знаками или словами. Из этого следовал вывод – чтобы прийти к такому соглашению, участники должны были пользоваться каким-то очень мудреным кодом.

Я построил сложную систему объяснений такого кода и процедуры его использования. Отправляясь к дону Хуану, я намеревался узнать его мнение по этому вопросу и спросить совета относительно моей дальнейшей работы.

21 мая 1968

По пути ничего особенного не случилось. В пустыне было очень жарко, поэтому дорога оказалась довольно утомительной. Но к вечеру жара спала, и когда я подъехал к дому дона Хуана, дул прохладный ветерок. Я не очень устал, поэтому мы сидели в его комнате и разговаривали. Я чувствовал себя очень хорошо и непринужденно, и мы просидели допоздна. Это был не тот разговор, который стоило бы записывать. В общем-то я и не пытался говорить о чем-то значительном. Речь шла о погоде, его внуке, индейцах яки, мексиканском правительстве, перспективах на урожай. Я сказал дону Хуану, что мне нравится то острое ощущение, которое возникает от беседы в темноте. Он ответил, что это вполне соответствует моей болтливой натуре и что мне нравится разговаривать в темноте, потому что ни на что другое в подобной ситуации я попросту не способен. Я возразил, что мне нравится нечто большее, чем сам разговор, и сказал, что мне доставляет удовольствие чувство убаюкивающего тепла окружающей темноты. Он спросил, что я делаю дома, когда становится темно. Я ответил, что включаю свет или выхожу побродить по освещенным улицам до тех пор, пока не придет время ложиться спать.

– О-о-о... – протянул он с недоверием. – А я-то думал, что ты уже научился использовать темноту.

– А для чего ее можно использовать?

Он ответил, что темнота (он сказал «темнота дня») – это лучшее время для того, чтобы видеть. «Видеть» он выделил особенной интонацией. Я попытался выяснить, что он имеет в виду, однако он сказал, что уже слишком поздно, чтобы начинать разбираться с этим вопросом.

22 мая 1968

Едва проснувшись утром, я прямо сказал дону Хуану, что разобрал систему, которая объясняет происходящее во время митоты – пейотного собрания магов. Я взял подготовленные дома заметки и зачитал ему свою версию. Я старался как можно доходчивей объяснить разработанную мной схему, а он терпеливо слушал.

Чтобы все участники настроились на некоторое заданное соглашение, их нужно определенным образом подготовить, рассуждал я, а для этого необходим скрытый лидер – ведущий. Участники митоты собираются для того, чтобы встретиться с Мескалито и получить урок «правильной жизни». При этом они, не обмениваясь ни единым словом и ни единым жестом, приходят к общему заключению относительно присутствия Мескалито и содержания его конкретного урока. Во всяком случае, на тех митотах, в которых я участвовал, дело обстояло именно так, Мескалито являлся каждому и давал урок. На своем личном опыте я убедился, что индивидуальное восприятие формы визита Мескалито и его урока было поразительно одинаковым для всех, хотя содержание урока от человека к человеку менялось. Я не мог объяснить высокую степень совпадения ничем иным, кроме наличия какой-то тонкой и очень сложной системы настройки.

На чтение и объяснение всей схемы у меня ушло часа два. В конце я попросил дона Хуана объяснить, какова в действительности система настройки.

Когда я замолчал, гримаса на его лице была весьма неодобрительной. Я подумал, что мое объяснение показалось ему вызывающим. Казалось, он о чем-то напряженно размышляет. Выдержав паузу, я спросил, что же он все-таки думает по поводу моих соображений.

Тут его гримасу сменила улыбка, перешедшая в гомерический хохот. Я тоже попытался было смеяться, а потом нервно спросил, что же в этом смешного.

– Ты спятил! – воскликнул он. – С какой стати кто-то будет заниматься чьей-то там настройкой в такой важный момент, как митота? Или ты думаешь, что все, связанное с Мескалито, – сплошное надувательство?

Какое-то мгновение мне казалось, что он уходит от прямого ответа на вопрос – сказанное им ответом не являлось.

– С какой стати кому-то заниматься настройкой? – упрямо продолжал дон Хуан. – Ведь ты же там был. Ты должен знать, что никто не объяснял тебе, что следует чувствовать или делать. Никто, кроме самого Мескалито.

Я настаивал на том, что такое объяснение невозможно, и вновь попросил его рассказать, каким образом достигается соглашение.

– Теперь я понял, зачем ты приехал, – с таинственным видом произнес дон Хуан. – Но вряд ли я смогу тебе чем-то помочь, потому что никакой системы настройки не существует.

– Но тогда почему все эти люди приходят к единому соглашению относительно присутствия Мескалито?

– Да потому, что они видят! – драматическим тоном сказал дон Хуан, а потом, как бы между прочим, добавил: – А почему бы тебе еще разок не побывать на митоте и не увидеть все самому?

Я понял, что это – ловушка, и, ни слова не говоря, спрятал все свои бумаги. Он не настаивал.

Спустя какое-то время дон Хуан попросил меня съездить с ним к одному из его друзей. Мы поехали и провели там несколько часов. В разговоре Джон – так звали хозяина дома – спросил, что вышло из моего интереса к пейоту. Джон был тем самым человеком, у которого восемь лет назад мы брали пейотные батончики для моего первого опыта. Я не знал, что ответить. Дон Хуан пришел мне на помощь и сказал, что со мной все в порядке.

На обратном пути я почувствовал, что должен как-то объясниться по поводу вопроса, заданного Джоном. Среди прочего я сказал, что пейот меня более не интересует, так как связанная с ним практика требует особой отваги, а ее у меня нет, и что когда я говорил, что больше пробовать не намерен, то имел в виду именно то, что говорил. Дон Хуан молча улыбался, а я продолжал болтать, пока мы не приехали.

Мы уселись на чистой площадке перед домом. Был теплый ясный день. Довольно сильный вечерний ветерок обвевал нас приятной прохладой.

- Что заставляет тебя так яростно сопротивляться? - неожиданно спросил дон Хуан. - Сколько лет уже ты твердишь, что не намерен больше учиться?

- Три года.

- Почему ты всегда говоришь об этом с такой страстью?

- У меня такое чувство, что я предаю тебя, дон Хуан. Наверное, потому я так часто все это повторяю.

- Ты меня не предаешь.

- Я тебя подвел. Я бежал. Я чувствую, что потерпел поражение.

- Ты делаешь все, что можешь, и никакого поражения ты не потерпел. То, чему я должен тебя научить, дается с огромным трудом. Мне, например, было еще тяжелее, чем тебе.

- Но ты не бросил, дон Хуан. Со мной все иначе. Я сдался. А приехал к тебе не потому, что собрался учиться. Просто я хотел кое-что спросить в связи с моей работой.

Дон Хуан секунду смотрел на меня, а затем отвел взгляд.

- Ты снова должен позволить дыму вести себя, - сказал он с нажимом.

- Нет, дон Хуан, я больше не могу. Похоже, я выдохся.

– Ты еще и не начал.

– Я очень боюсь.

– Ну и бойся на здоровье. Это не ново. Ты думай не о страхе. Думай о чудесах видения.

– Честное слово, я хотел бы думать об этих чудесах, да не могу... Когда я вспоминаю о твоём дымке, то чувствую, что на меня наваливается какая-то тьма. Так, словно на всей земле нет больше ни единого человека, никого, с кем можно перекинуться словом. Твой дымок показал мне безысходность одиночества.

– Это неправда. Возьми меня, к примеру. Дымок – мой союзник, а я не ощущаю одиночества.

– Но ты другой. Ты победил страх.

Дон Хуан мягко похлопал меня по плечу.

– Ты не боишься, – сказал он. В его голосе слышалось странное обвинение.

– Но разве я лгу насчет страха, дон Хуан?

– Лжешь ты или нет – меня это не интересует, – произнес он сурово. – Меня волнует другое. Ты не хочешь учиться вовсе не потому, что боишься. Причина в другом.

Мне страшно хотелось узнать, в чем же дело. Я пытался выудить из него ответ, но он только молча покачал головой, как бы не в силах поверить, что я не знаю этого сам.

Я сказал ему, что всему виной, должно быть, моя инерция. Он поинтересовался значением слова «инерция». Я взял в машине словарь и прочитал: «Тенденция материального объекта, не подверженного воздействию внешних сил, к сохранению состояния покоя, если оно находится в покое, либо движения в неизменном направлении, если оно движется».

– Не подверженного воздействию внешних сил, – повторил он. – Лучше, пожалуй, и не скажешь... Только дырявый горшок может пытаться стать человеком знания по своей воле. Трезвомыслящего нужно затягивать на путь хитростью. Я уже говорил тебе об этом.

– Но я уверен, что найдется масса людей, которые с радостью захотят учиться, – сказал я.

– Да, но эти не в счет. Обычно они уже с трещиной. Как пересохшая бутылка из тыквы, которая с виду в порядке, но начинает течь, как только в нее наливают воду и появляется давление. Когда-то я втянул тебя в учение хитростью, и то же самое в свое время сделал со мною мой бенефактор. Если бы не мой трюк, ты бы никогда не сумел столь многому научиться. Пожалуй, пора повторить этот прием.

Говоря о хитрости, он напомнил мне об одном из самых критических моментов моего ученичества. С тех пор прошло уже несколько лет, но я помнил все так, словно это было только вчера. Дон Хуан мастерски втянул меня в совершенно жуткое прямое противостояние с одной женщиной, имевшей репутацию колдуньи, что привело к глубокой враждебности с ее стороны. Дон Хуан использовал мой страх перед этой женщиной как мотивировку. Он говорил, что мне ничего не остается, как только продолжать обучение, иначе я не смогу устоять против ее магического нападения. Результат его «хитрости» был достаточно убедительным – я искренне поверил, что если хочу остаться в живых, то должен срочно учиться магии, причем как можно эффективнее, и что другого выхода у меня нет.

– Если ты намерен снова пугать меня этой дамой, то ноги моей здесь больше не будет, – сказал я.

Дон Хуан развеселился.

– Не волнуйся, – успокоил он меня. – Трюки со страхом в твоём случае уже не проходят. Ты больше не боишься. Но что касается хитрости вообще, то тебя можно подловить, где бы ты ни был, и для этого тебе вовсе не требуется сюда приезжать.

Он заложил руки за голову и задремал. Я взялся за свои записи и работал часа два – пока он не проснулся. К тому времени уже почти совсем стемнело. Заметив, что я пишу, он сел, выпрямился и с улыбкой спросил, выписался ли я из своей проблемы.

23 мая 1968

Мы говорили об Оахаке. Я рассказал дону Хуану, как однажды попал в этот город в базарный день, когда толпы индейцев со всей округи стекаются на рынок торговать продуктами и разными мелочами. Особенно меня заинтересовал продавец лекарственных растений. У него был деревянный лоток, а на лотке – баночки с высушенными и размолотыми травами. Одну баночку он держал в руке и, стоя посреди улицы, громко распевал речитативом довольно занятную песенку:

Составы против мух, блох, клещей и комаров

Средство для свиней, коз, коней и для коров

И для людей лекарства – не нужно докторов

Корь, свинка и подагра с ревматизмом не страшны

Лекарства для желудка, сердца, печени, спины

Подходите, леди и джентльмены,

Есть лекарства от любых болезней

Составы против мух, блох, клещей и комаров...

Я слушал довольно долго. Его реклама состояла из длинного перечня болезней, от которых, как он утверждал, у него имеются лекарства. Для того чтобы песенка была ритмичной, он выдерживал небольшую паузу после каждого четырех названий.

Дон Хуан сказал, что в молодости тоже торговал лекарственными травами на Оахакском рынке. Он еще не забыл свою рекламную песенку и, пропев ее мне, добавил, что часто пел дуэтом со своим другом Висенте.

Я сказал, что познакомился с Висенте во время одной из поездок в Мексику. Дон Хуан, казалось, был искренне удивлен и попросил меня рассказать об этом подробнее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/karlos-sezar-arana-kastaneda/otdel-naya-real-nost>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)